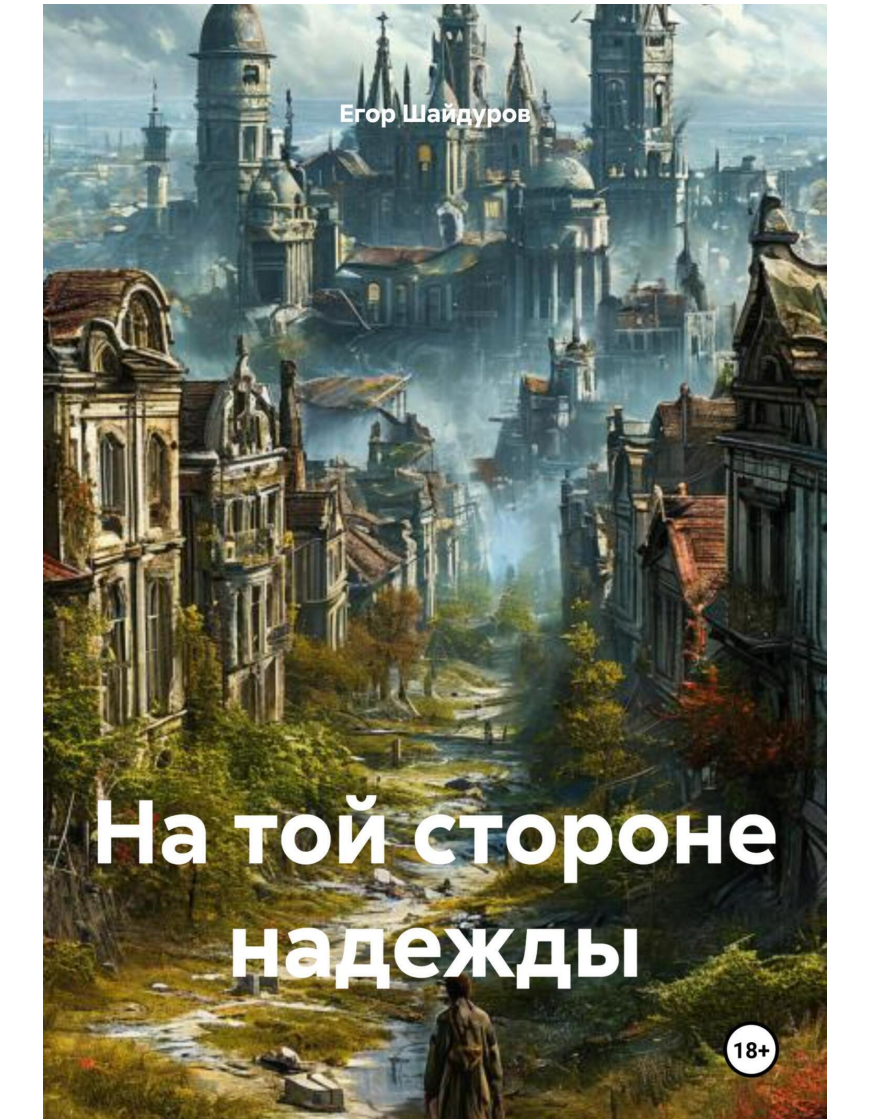

Егор Шайдуров

На той стороне надежды

18+

Егор Шайдуров

На той стороне надежды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72199492

SelfPub; 2025

Аннотация

Книга с сложным философским смыслом. История будет развиваться в заброшенном городе, населенным очень интересными существами.

Егор Шайдунов

На той стороне надежды

День 1. 03:12 ночи.

Запах палёного кофе, тёплый свет от монитора и тишина – не такая, что расслабляет, а такая, что гложет.

Мир за окном спит. А я, как идиот, снова перебираю старую технику, потому что мне скучно, потому что мне не с кем поговорить, и потому что сны – это не отдых, а ловушка.

Я, вроде как, нормально живу. Крыша над головой есть. Работы нет – но кому она нужна, когда ты можешь копать в забытых железяках, чувствуя себя археологом электроники?

Иногда думаю: если бы не всё это... если бы не "Салмарин", может, я был бы обычным парнем. С ипотекой, собакой и раз в месяц – шашлыки с друзьями.

Но у меня нет ни ипотеки, ни собаки. У меня есть только... пустота.

И он.

Брат.

Я редко говорю о нём. Слишком больно, слишком глупо.

Все говорят, что он умер. " Салмарин захлопнулся, больше никто не вышел". Я тоже поверил. Было проще, чем жить с мыслью, что он там, один, среди...

Ну, среди чего?

Вечером я копался в радиостанции, которую притащил с помойки пару недель назад. Маленькая, с облезлым корпусом. Сначала хотел разобрать – а потом решил просто включить. Потыкал по частотам.

Шум. Шипение. Тишина.

И вдруг – голос.

Голос.

Рваный, искажённый, как будто его тянули через тысячу километров грязи и ржавчины. Но это был он.

Я замер.

Он сказал что-то короткое. Всего три слова.

Не знаю, как, но я их понял:

«Меня кто-нибудь слышит?»

В этот момент внутри меня всё перевернулось.

Я не слышал его... чёрт знает сколько лет. Пять? Больше? Я даже голос его начал забывать. А тут – как нож по памяти.

Словно кто-то выдернул меня из обыденности и поставил перед зеркалом:

"Ты правда думал, что всё кончено? Что это можно похоронить?"

Сигнал исчез через секунду. Всё снова стало тихо.

Но я больше не мог спокойно дышать.

Я пытаюсь вспомнить его лицо.

Как он смеялся, как спорил со мной, как говорил, что **«мы должны что-то менять, иначе подохнем, как крысы в банке»**.

Он всегда верил в людей. Даже когда я считал, что это пустая трата времени.

И вот теперь – он там. Возможно, жив. Я не знаю. Но я слышал **его**.

И этот голос не был пустым.

Он поехал с друзьями в Салмарин, у него там было день рождения его девушки. На 3 день его поездки город закрылся

и связь сразу пропала. Я хотел туда поехать за ним, хотел вытащить его, но отец запрещал и запрещал и через время я утратил надежду, и тут голос.

Я включил свет. Смотрел на своё отражение в тёмном экране.

И понял – я больше не могу сидеть и делать вид, что всё нормально.

Если он жив – я должен его найти.

Если он мёртв – я должен знать, как.
Честно?

Мне страшно.

Но страх – это для тех, кто может позволить себе не знать.
Я больше не могу жить в молчании.

День 2. 21:04.

Сходил к отцу.

Если бы кто-то попросил меня описать разговор в двух словах, я бы сказал:

лед и камень.

Папа живёт один в доме на окраине. У него всё как положено: охрана, собака, антенны, мониторы, резервы воды на десять лет вперёд – типичный убежищный стиль.

Я стучал минут десять. Он открыл, не сказав ни слова. Просто посмотрел.

В его взгляде всегда было что-то... холодное. Не злоба, не боль. **Отсутствие.**

Как будто он жил по другой температуре, в которой чувства – это слабость, а эмоции – излишество.

Но он всё ещё отец.

– Привет, – сказал я.

– Поздно, – сказал он.

– У меня важное.

Он не стал спорить. Пустил.

Мы сели в его "комнату тишины" – так он её называет. Никаких камер, микрофонов, даже свет тусклый.

Я выдохнул и сказал прямо:

– Я слышал его голос.

Он молча отпил чай. Потом посмотрел на меня – не удивлённо, не испуганно, просто... как будто я сказал: "У меня сломался кран".

– Ты ошибся, – сказал он.

– Это был он, пап. Я **уверен**.

– Уверенность – плохой советчик, – спокойно ответил он. – Особенно в вопросах, в которых замешаны эмоции. Я начал закипать.

– Ты ведь знаешь, что он мог быть там. До закрытия. Ты **знал**, что он остался. И ты... ты просто...

– Я не "просто", – перебил он. – Я сделал то, что должен был. Я сохранил семью.

– Семейю? Ты сохранил **себя**. От вины. От решений. Ты вычеркнул его, как строку в протоколе. Он не ответил. Только смотрел.

А потом, спустя долгую паузу, произнёс:

– Салмарин **не возвращает**. Никого. Уже восемь лет.

– Ты ведь **был там**, пап? – спросил я. – Ты **видел**, что там? Или ты просто повторяешь приказ? Он молча открыл сейф и достал тонкую папку.

Бросил её мне на стол.

Там были спутниковые снимки. Размытые. Тепловизионные следы в заброшенных районах.

Движение.

Силуэты.

Слишком организованные для животных.

Слишком рваные для людей.

И под одним снимком – надпись:

"Обнаружено аномальное поведение. Когнитивные всплески. Эмоциональный отклик возможен. Контакт не рекомендован."

Я поднял глаза.

– Что это значит?

Он не сразу ответил. Потом сжал губы и бросил фразу, как диагноз:

– Инстинкты сильнее сознания.

– Ты хочешь сказать...

– Я ничего не хочу сказать, – перебил он. – Я лишь говорю, что оттуда никто не возвращается таким, каким был.

День 5.

Я начал с баз. Старые архивы, публичные и закрытые. Сеть уже стерла большую часть сведений о Зоне, но кое-что уцелело: удалённые письма, сообщения на военных форумах, зашифрованные чаты тех, кто «видел границу».

В одном из таких чатов всплыло имя: **Лотер**.

Без фамилии. Только: «Если хочешь выжить хотя бы час – найди Лотера».

Кто-то добавил: «Он торговал "Якорем". Если жив – он твой единственный шанс».

Имя звучало, как легенда. Я провёл трое суток, собирая крохи: списки уволенных военных, старые медицинские протоколы, подпольные каналы снабжения.

Он был аптекарем в военном коридоре до блокировки.

Когда всё рухнуло – исчез.

Но одна деталь зацепила.

В списке поставок для эвакуационной группы Z-9 было его имя. А ещё – адрес в списке складских переселений: Индустриальный сектор 7, “пункт переработки D”. Я выехал.

Там пахло ржавчиной и перегаром. Я блуждал по темноте,

пока не вышел к двери с выбитым глазком. Стучал трижды. Никто не открывал. Хотел уже уйти – как заскрипел засов.

Лотер.

В халате с засохшими пятнами, сутулый, как будто несёт на себе не возраст, а годы вины.

– Ты один?

– А кто ещё сюда пойдёт?

– Дураки. Или отчаявшиеся. Иногда – оба сразу. Заходи. Он не задавал вопросов.

Словно всё давно знал. Или просто больше не хотел ничего знать.

– Ты ищешь “то самое”, да?

Он достал кейс. Открыл. Внутри – ампулы.

Густая, холодная синева, переливающаяся в тусклом свете.

– Это то, что **останавливает превращение. На время.**

– Что за превращение?

Он посмотрел на меня устало.

– Ты ещё не знаешь. Но узнаешь. Якорь – не лекарство. Это просто повод **не потерять себя с первого шага**.

– Сколько держит?

– Первый час – чисто. Потом галлюцинации, сны наяву, внутренние диалоги. С каждым уколом ты становишься всё меньше собой.

– И всё равно используют?

– Альтернатива хуже. Поверь.
Он передал мне две ампулы.

Я заплатил. Не спросил цену. Просто отдал всё, что было.
На выходе встретил девушку в комбинезоне с выгоревшей эмблемой – что-то армейское, но стертое до дыр.

– Думаешь, найдёшь что ищешь?

– Надеюсь.

– Там все надеются. Только никто не возвращается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.